Л. Н. Турбина

*Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук
Москва, Россия
lturbina1@yandex.by*

ЕДИНСТВО ВСЕГО ЖИВОГО КАК ДОМИНАНТА ПОЭЗИИ ВЕНИАМИНА БЛАЖЕННОГО

Важным и актуальным мотивом поэзии В. Блаженного является единство всего живого. В утверждении этого единства поэт был настойчив, хотя это и составляло одну из причин его невхожести в литературный контекст. В этом поэт близок св. Франциску Ассизскому, а также восходящему к античности представлению о поэзии как «священном безумии».

Ключевые слова: *Вениамин Блаженный (Айзенштадт); юродство; св. Франциск Ассизский; религиозные мотивы.*

Мне посчастливилось познакомиться с Вениамином Михайловичем где-то в начале восьмидесятых годов прошедшего века, когда я окончила заочное отделение Литературного института в Москве и вернулась в свой родной Минск. Стихи писались с непреложностью текущего ручья, и привычка к еженедельному обсуждению написанного, выработанная за пять лет учебы, настойчиво подталкивала искать в Минске аналог руководителя семинара. И мне повезло несказанно — мой совсем не близкий знакомый Давид Поташников привел меня в квартиру к Вениамину Михайловичу Айзенштадту на улице Короля.

«Всё случайное — недаром, ветер гонит тротуаром, лист от дерева познанья — позабытый обходной». Прошу прощения за автоцитату, мне действительно несказанно повезло: раз в неделю я звонила, и Вениамин Михайлович приглашал меня к себе в удобное для него время. Мы говорили о поэтах и о поэзии, о самом важном для нас тогда, потом я читала ему написанное, он делал замечания — ненавязчиво, но очень убедительно. И только потом читал мне свои стихи из толстой тетради, записанные его удивительно мелким каллиграфическим почерком.

Каждый раз я не выдерживала услышать более трех-четырёх стихов — так они меня поражали, просто физически, своей непохожестью ни на чьи-либо тогда услышанные. Мне надо было срочно унести свое впечатление и распутывать его после наедине. Клавдия Тимофеевна меня провожала до двери, а В. М. понимал мой уход именно как впечатление от услышанного...

Сейчас, после стольких лет с его кончины, мне хочется сказать о главном сегодняшнем моем прочтении им написанного. В Москве в 1990 году вышла его первая всесоюзная книжечка «Возвращение к душе» и в ней было напечатано стихотворение:

Моление о кошках и собаках,
О маленьких изгоях бытия,
Бездомных и безродных забияках,
Обремененных смертью как и я...

Первая строчка этого стихотворения на многие годы вошла в программы всесоюзного ТВ, потому что где-то в эти годы и возник (возродился?) интерес и внимание к живым тварям, живущим и мучающимся рядом с нами. Пришло осознание единства живого мира. И это не случайная тема поэта В. Блаженного — ею проникнуто практически всё его творчество. Животные близки поэту как самые родные существа, которые тоже молятся общему Создателю, по-своему, разумеется:

Моление об их голодных вздохах...
О сколько слез я пролил на веку,
А звери и не сетуют на бога,
Но молча погружаются в тоску.

Естественное осознание поэтом единства живого на земле было тогда еще неочевидным для большинства из живущих, но с каждым годом становится всё более важным.

1990-й — это был год двойного юбилея одного поэта, хотя и под разными именами¹. Для нас, живущих тогда в Минске, присутствие в культурном поле города поэта такого масштаба не могло не ощущаться.

Небезынтересно отметить, что книга, вышедшая в Москве, оказалась более представительной и была вполне благосклонно отмечена критикой. В отличие от книги, вышедшей в Минске, которую критика просто не заметила. Правда, и составлена она была более осторожно, да и по объему отставала от московской. При этом надо помнить, что стихи, вошедшие в оба сборника, писались практически на протяжении тридцати лет, предшествующих их первой публикации. Эти стихи поражают при первом прочтении и остаются в памяти надолго, если не навсегда, прежде всего благодаря необычности тематической, то есть своим содержанием, а не формой, которая вполне традиционна, временами даже вторична.

В стихах поэта отсутствуют «перегородки» между миром живых и миром мертвых, идет непрерывающийся диалог с ушедшими родителями и с Богом, причем именно с Ним — вполне запросто. Господь принимает вид то бродячего пса, то самого Иисуса:

Сколько лет нам, господь?
Век за веком с тобой мы стареем...

¹ Книга, вышедшая в Москве в издательстве «Советский писатель», подписана псевдонимом В. Блаженных, в минской «Мастацкай лitarатуры» — настоящей фамилией Айзенштадт (см. [1; 4]) *Примеч. составителя.*

Помню как на рассвете, на въезде в Иерусалим,
Я беседовал долго со странствующим иудеем,
А потом оказалось — беседовал с Богом самим. <...>

Вот и стали мы оба с Тобой, мой Господь, стариками,
Мы познали судьбу, мы в гробу побывали не раз,
И устало садимся на тот же пастушеский камень,
И с тебя не свою я, как прежде, восторженных глаз.

Вовремя были напечатаны оба первых сборника Вениамина Азенштадта-Блаженных! Уже в 1991 году журнал «Вопросы литературы» целиком посвятил августовский номер проблеме «религия и литература», причем именно обозначение проблемы, а не имена авторов статей, как обычно, было вынесено на обложку, констатировав тем самым «крах самой гигантской атеистической утопии в истории человечества». Открывающий дискуссию редактор журнала Дмитрий Урнов начал свое выступление словами: «У нас совершается нечто вроде контрреформации. Известно, что наша реформация, в отличие от антицерковного движения эпохи Возрождения в Западной Европе, заключалась не в преобразении церкви, а в стремлении вовсе уничтожить ее. И контрреформация у нас — это возврат к религии как таковой. Наша литература и здесь оказалась чутким сейсмографом» [6]. Не менее чуткими оказались руководители издательств в Минске и в Москве, издавшими за год до этого сборники поэта.

Из написанного о поэзии В. Блаженного (после первой публикации в Москве псевдоним «Блаженных» плавно перетек просто в «Блаженный»), прежде всего, хочется вспомнить эссе известного белорусского поэта и тонкого критика Леонида Голубовича: «Паэзія — гэта не работа і не дзея, паэзія — гэта стан. Гэта адзнака твайго пастаннага перараджэння і кляймо пажыццёвага выраку. Пакутнае бясмерце... Я і сам трохі памятаю, як у свой час адбіваліся ад яго ў СП. Маўляў, ён такі ж малахольны, як яго вершы. Ды і піша не па-нашаму. Нібыта паэзія — не дух, які вее, дзе хоча. Нібыта ў яе не адна Боская мова, якую разумеюць усе, хто яе вывучае. <...> Безумоўна, простама смяротнаму тут нельга не засмуціцца душою, каб зразумець унутраны свет паэта менавіта ў момант яго тварэння. Блажэнны як бы ўскладае на сябе місію тварыць — паралельна з Боскім — свой уласны свет. Няхай сабе і мастацкі. Хто гэтаму можа перашкодзіць? Толькі сам Гасподзь. І ці не былі пакараннем Гасподнім перыядычныя прыступы вар'яцтва паэта?» («Веніамін Блажэнны: Па слядах публікацый», газета «Літаратура і Мастацтва», 2004). Далее Л. Голубович — подчеркиваем, что вышеупомянутое эссе было опубликовано в 2004 году — отмечает сам факт отсутствия поэта в духовной жизни республики.

К слову сказать, в России поэзия Блаженного прописана давно. Так, первый сборник поэта в Москве вышел с небольшим предисловием авторитетного Николая Панченко (первый минский сборник был, к сожалению, даже небольшого предисловия лишен), к сборнику 1998 года послесловие, а точнее сказать,

глубокое исследование творчества поэта написала известная поэтесса Татьяна Бек, которая утверждала, что его «эстетика творческого шутовства и юродства... в контексте современной русской поэзии совсем одинока. Уникальна!» [3]. А в журнале «Новый мир» в 2003 году появилась посвященная поэту статья критика-«поэтоведа» К. Акундинова [2], который пытается определить генезис, понять истоки непохожести поэзии Вениамина Айзенштадта-Блаженного на своих современников: по мнению критика, одной стороной своего творчества поэт связан с еврейской (хасидской) традицией, другая же, безусловно, растет из самых глубинных корней русской культуры, из той почвы, откуда дошли до нас голошения юродивых (Вениамин Блаженный — брат Василия Блаженного), с тайных апокрифов неведомых веков...

Сыщи хоть мертвому мне место,
Хоть душу в памяти спаси...
Известный или неизвестный —
Я был поэтом на Руси.

О принадлежности творчества поэта по меньшей мере двум культурам — русской и белорусской, была написана и опубликована статья [5]. В частности, в ней содержится посыл внимательнее присмотреться именно к белорусской составляющей менталитета поэта: безотчетно, но неизбежно он пропитывается самим духом земли, на которой живет и творит. Белорусский менталитет определяется особым, бережным отношением к своей земле и ко всему живущему на ней — именно потому, что земля эта часто подвергалась нашествиям и поруганию, все живое надо любить и беречь, ибо кому, как не белорусу, знать, до чего оно, живое, хрупко и уязвимо. Единство живого — одна из постоянных тематических линий поэзии В. Блаженного:

Мне недоступны ваши речи
На людных сборищах столиц.
Я изъяснялся, сумашедший,
На языке зверей и птиц («Мне недоступны ваши речи...»)

Моление о кошках и собаках,
О маленьких изгоях бытия,
Живущих на помойках и оврагах
И вечно неприкаянных, как я... («Моление о кошках и собаках...»).

Вениамин Блаженный писал стихи, в которых можно почувствовать Живого Бога — через живую тварь, через ее боль. А вот текст одного из увещаний св. Франциска Ассизского: «Все создания, обитающие под небом, служат, знают и повинуются Создателю своему лучше тебя — обращается он к человеку — даже демоны не распяли его. Но ты распял и охотно распинаешь в пороках и грехах своих. Так чем же ты можешь гордиться?» [7]. У св. Франциска природа одухотворена не потому, что она сама — Бог (как у пантеистов), но потому, что

Бог дал ей душу. У Франциска было острое, глубоко-личное чувство Христа; вездесущее Божие есть и пребывание Бога в природе: проповеди Франциска сестрам ласточкам и братьям цветам имеют особый и глубочайший смысл. Но главное в учении одного из самых неповторимых западно-христианских святых — учение о смирении и о красоте бедности, — бесспорно, позволяет отнести его к одному из источников оригинального по своей идейной сущности творчества белорусского поэта, все стихи которого проникнуты именно этим великим смирением.

По возрасту В. Блаженный принадлежал к поэтам фронтового поколения, к таким как Б. Слуцкий, Д. Самойлов, Ю. Левитанский, Б. Окуджава, но совершенно выпал из поколенческой «обоймы» по причине неписанности в литературный процесс послевоенного времени. В архетипе юродивого В. Блаженный угадывал себя как неофициальный поэт, сопротивляющийся заточению своего таланта в клетку нормативности. «В. Блаженный возрождает восходящее к античности представление о поэзии как «священном безумии», когда в сочинителя вселяется некая высшая духовно-творческая сила, говорящая его устами. Подобные качества поэт обретает, согласно Сократу, в состоянии иступления и одержимости, и часто не может объяснить написанного, хотя при этом высказывает удивительные и даже пророческие вещи» (И. С. Скоропанова).

Блаженный — синоним страдания одинокой души. Многие его стихи тяжело читать даже сегодня. Когда мир напоминает дом, зажженный со всех сторон, не часто открываешь книгу, впечатление от которой как от посещения музея Холокоста. Но, очевидно, такова была миссия поэта: Блаженный культивировал страдание, хотя не мог не чувствовать, что оно не может быть источником полноты всех проявлений жизни и ее возможностей. Сам Вениамин Михайлович сказал об этом иначе: «Для меня поэзия — это исповедь, это плач, это моление».

Библиографические ссылки

1. Айзенштадт В. Слух сердца. Минск: Маст. літ., 1990. 133 с.
2. Анкудинов К. Стезей избытка // Новый мир. 2003. № 1. С. 167–174.
3. Бек Т. Скиталец духа // Блаженный В. Стихотворения. 1943–1997. М.: РИК Русанова, 1998. С. 122–137. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/prim/blazhenny1-3.html>
4. Блаженных В. Возвращение к душе. М.: Сов. писатель, 1990. 158 с.
5. Турбина Л. Поэзия Вениамина Блаженных/Айзенштадта – преемственность духовной проблематики // Славянскія літаратуры ў кантэксце сусветнай. Матэрыялы IX міжнароднай навуковай канферэнцыі. Ч. 2. Мінск: БДУ, 2010.
6. Урнов Д.Л. Проблема, выдвинутая жизнью // Вопросы литературы. 1991. № 8. С. 3–5.
7. Цветочки святого Франциска Ассизского. М.: Вся Москва, 1990. 176 с.